

Олег Ермаков

Любовь и Смерть всегда вдвоем

Мистерия Луны как сакральное сердце картины «Молчание доктора Ивенса»

В 1973 году, в пик поры «развитого социализма», на киноэкраны СССР вышел фильм **Буди|мира** **Метальникова*** «Молчание доктора Ивенса». Зоркие очи безбожной советской цензуры не разглядели бунт его сюжета, чей главный герой Мартин Ивенс явил своей судьбой и трагичным концом **крестный подвиг Христа**: встретив посланцев продвинутой цивилизации, в Контакте с ними он взял на себя груз вины за грехи человечества и отдал жизнь за землян. Страшная, неутолимая боль фильма в том, что в отличие от Иисуса, воскресшего в третий день по распятии, Ивенс **просто погиб** — фильм не дал людям шанс Воскресенья. Но эта-то **смерть без надежды на Жизнь** породила великое в своем трагизме творенье искусства, **будящее мир** как набат и всей плотью своею кричащее: **смерть без Надежды — есть ложь**. Так глухую порой атеизма явилось с экранов живое **свидетельство о Христе**, меж иных благих вех приготовившее духовное возрождение ввергнутых в хаос безверья народов гигантской страны. Несомненно, поэтому волею Неба фильм ярко отмечен рукой **Божьей Матери**, давшей нам Сына и с древней поры у народов планеты тождественной **Луне**.

Самопожертвование во имя людей — обычное качество киногероев Страны Советов с присущей им идеологией пролетарского интернационализма. Но только Ивенс в своем лобовом столкновении с Иным выступил из ряда их и поднялся над всем как интернационалист без приставки «пролетарский», **ответив собою за всех на Земле и ее самое** — как Христос.

* **Метá** — цель (стар.), в кою мы **мет**им. Цель бранных нас, сущих у смерти в плену — Воскресение: в Бога **воз|в|ра|т** как в Исток.

Киев – 2013

Luna * **O**leg * **V**ladimirovich * **E**rmakov

Две вещи более всего поражают
человеческое воображение: звездное
небо над нами и нравственный закон
внутри нас.

Иммануил Кант

В жизни нашей, известно, бывают события, определяющие судьбу. Таким событием стал для меня просмотр кинофильма «Молчание доктора Ивенса». Когда я увидел его, мне было 11 лет, но, при всей его «взрослости», фильм поразил меня в самое сердце.

Сюжет его я воспринял как личную драму. Я страстно влюбился в его героиню Оранте — часами просиживал в читалке библиотеки, смотря на лицо артистки Жанны Бóлотовой на журнальной обложке и мучаясь тщетностью этого чувства. Я написал восторженное письмо о картине в журнал «Советский экран», и впоследствии в статье-рецензии под названием «Готовы ли мы?», вышедшей в №19 этого издания за 1974 год, отзыв мой был опубликован. Я был навывлет пронзен звездной музыкой Эдуарда Артемьева, и щемящая песня «The Way» («Стезя», «Путь») в исполнении Валерия Ободзинского осталась со мной навсегда.

Главное же заключалось в том, что просмотр фильма родил во мне бурную жажду познания, с тех пор неослабную. Плодом ее чрез года стало написание посвященной Луне большой книги «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», занявшее 22 года, а доработка ее — еще 4. Книга эта, а также 11 лунных трактатов, ее приложений — мое достоянье, чьи дивные людям открытия, верю, в час свой отворят очи им.

С тем, вся жизнь моя определилась прямым действием двух солнц — Луны и картины «Молчание доктора Ивенса», и в некий час понял я: **Луна — оба**. Тогда ж постиг я: просмотр фильма стал мне **вхождением в круг Тьмы: уловленьем Луной как Крюком, в То дверьми**.

Плод его и Луны дар мне — **виденье**: взгляд в Мир очьми ее, что обрел я. Зренье это — корнь книги моей, чьи открытья — **взор лунный**: что явно ему, бранный глаз не узрит. Так, не зная об открытиях NASA, пришел я к идее физической пустоты Луны, Матери сущих¹, пустой оттого, что **пусты очи бранные наши, навыворот взор: Полнота**,

Глубь Луны — дыра им, кои сами дыра. Я увидел еще: Лунный день не блажь Пристли — он я|вь очей зрячих: день-г|ран|ь, средостенье, каким **как Луной** склеен год, **без сего дня не суц.** Очи *видящи* — взор Пустоты: По|лно|та, глаз-зрачок гу|ман|оида, гостя землян; он же — Волада глаз по-булгаковски: пуст, черн, мертв, — Полность, что зрит из г|лаз|ниц как Провал, Всё под маской ничто.

От Луны понес я в своей жизни и ра|дость и боль чрез картину сию. Фильм «Молчание доктора Ивенса», лунная песнь — корнь всего, что случилось со мной, и **наказ Луной жить.**

В чем его волшебство? сила в чем? В том, друзья, что **фильм сей есть мистерия лунная, Матери действо.** Вот твердые знаки тому, мной открытые.

1. Лейтмотивом фильма служат звучащие в его финале слова Иммануила Канта: «Две вещи более всего поражают человеческое воображение: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». По мистическому сродству, в жизни Канта особую роль сыграл однофамилец артистки, исполнившей роль инопланетянки Оранте — русский человек Андрей Болотов, своим преклонением перед величием живой Вселенной оппонировавший механистично-пустым взглядам Канта на нее и посему, как и женщина Неба Оранте в глазах землянина Ивенса, в глазах Канта олицетворявший собой величье Вселенной как Сердца внутри и вовне нас, которым Кант был поражен, но постигнуть какого не мог из-за умственного (рационально-критического, деструктивного) рода своей философии. Кант, в смысле древнем, не мыслил, но **умствовал: мысль — Сердце²;** скальпель ума он поставил над лейкой садовника, за что Болотов, ведавший это, сурово пенял ему.

2. Именно невозможность постичь Космос лезвием бренной науки, подобная Кантовой — причина смерти адепта науки сей Ивенса, в своей любви **к Миру как деве горней** обретшего тождество с ним чрез Уход (как часть — с Целым, Истоком), за Кантов п|ор|ог («кант» как имя — черта-полоса, прилежание к Иному, **к ант|и;** чертой обвесть — о|КАНТ|овать) **КАН|ув** как **сам-у-Рай:** в Сердце Ум как в Корнь свой.

Учат Предки: не можешь постичь умом нечто, но жаждешь зело — возлюби его или умри за него! Смерть, Любовь — неразличны в конце: обе — Бог. **Ивенс умер, поскольку возлюбил**; зная Тайну и тем к ней причастный, не смог он остаться в миру: ушла Тайна — ушел и он с ней.

3. Вселенную, Мир Божий, древние зрили **Богинею-Матерью**, **ЛОН**|ом всех сущих. Небесный ее лик — **ЛУН**|а, земной — **ЕВА**, супруга **А|ДАМА**, жена из **РЕБР**|а его: Целое под маской части. Фамилия главного героя фильма Ивенс, англ. **EVA**|ns, являет сакральную связь его с Луною, ликом Вселенной, во славу чью канул он; имя ж подруги его **О|ра**|нте — Луна сама, коей при Мартине была она: при Уме — Сердце. Ибо **ОР**|анта как имя святое — хранящая суть Богородицы: Матери Мира, Луны; **ОР|IS**, Рот (лат.) — Ноль в знании древнем, столп **вз|ОР**|а, **Утро|ба-Пр|ОВАЛ**: Луна, Мать. Указатель Луны ж — **сребровласье Оранте**: **с|РЕБРО** (англ. **luna**) в древнем Знании — Луны металл; тому ж знак — и хранящая роль ее: спасла от смерти землян, усыпила полицию, везшую Мартина, дав ему волю. Луна — и планета пришельцев **О|РАЙ**|на: **Луна, Полноты дом, по древним — РА|Й, Бога (РА — египт.) чертог**. Дева Неба Оранте, в склоненьи над Мартином в смерти его — знак Луны: Ивенс отдал себя в жертву Миру — Луна, Мира **х|ра**|м, приняла этот Дар.

4. Смерть как пара Любви, ключ к познанию сути волнующей сказки Оранте и Мартина, явлена ясно в фамилии артиста, исполнившего роль **З|ОР**|А, отца **ОРА**|нте — Леонида **О|БОЛ**|енского, а равно в фамилии **БОЛ**|отова: **О|БОЛ** — монета, которую древние греки клали в род умершему как плату Харону за перевоз души чрез Стикс в Аид, царство мертвых (и смерти в миру корень — **БОЛ**|езнь). Солнце этого царства для Греков, Египту согласных — Луна, Серп серпов, жнущий души, тождественная Про'**SERP**'ине (элин. Персефона), супруге Аида (Плутона), владыки подземного царства. Поэтому умереть — в древнем Знании и означало в итоге посмертных скитаний **уйти на Луну**, в мертвых Дом, бывший Целью, **МЕТ**|обю, ухода из мира сего как **сосуд Полноты Мировой** (см. п.3). Цель сия, Луна-Вечность пред

бреньем-Землей — Высь и Глубь ее (две сих — Одно), меж какими зажата она, как меж молотом и наковальнею: Следствие промеж Причиной своей, Ум меж Сердцем, меж Истиной Ложь, слог второй в слове са|ти|ям, истина (сан|скр.)³. Книга Мертвых речет о том:

Привет сияющему с Луны! Позволь чтобы этот Осирис Ани [душа умершего — Авт.] мог пройти дальше среди этих толп, что снаружи; и позволь ему стать жителем среди обитателей небес; и пусть подземный мир будет открыт для него.

*E.A. Wallis Budge. The Book of the Dead. London, Arkana, 1985
(факсимильное воспроизведение издания 1899 г.),
с.49-50 (подчеркнуто нами)*

Фамилия автора сценария и режиссера фильма **МЕТА|Л|**ьников мистически выражает эту мысль, и тем ясней, что, по данным программы «Аполло» (1969 – 1972), Луна есть пустой **МЕТА|Л|**лический шар: сосуд Полности, тайной для бранных очей: Пустоты сих пустых, **ОБОЛ|**очка с Провалом внутри.

5. Леонид Оболенский — потомственный дворянин, муж суровой судьбы, претерпевший немало гонений из-за своей фамилии. Изводя племя дворянское, **БОЛ|**ьшевики (**боль|**шинство — ложь, **х|вор|**ь; Истина, Зд|ра|вьe умов — редкость, по Ге|ра|клиту) отказывали им **в самом праве жить на Земле**, т.е. в сути **считали инопланетянами**. Вожакom их-то стал Оболенский в кино.

6. В канве действия фильма зрим Горнего знак — **обращение событийной цепи как реки времен сущих**. Реальность его в том, что Бог, корневая Причина, царит над рекою времен и способен, как обруч, крутить ее вспять. Яркий пример тому — чудо оживления Иисусом людей, умерших от болезни. Мессия не отнимает их у смерти как реального в своей власти Нечто, но просто **отменяет смерть**, упраздняя ее корнь, по в|ремен|и старший, и переводя тем смерть в несуществование. Поистине, не Иисус возвратил людей к жизни, поскольку пред тем смерть взяла их, а люди воскресли, поскольку Христос старше (ра|нее) смерти и ф|акт|ом Себя ее гасит как **то, чего нет: ведь Мир — Жизнь**. Так же точно не Ивенс попал в катастрофу, поскольку та произошла с самолетом, где он оказался, но катастрофа

произошло потому, что в самолете, который она постигла, летел Мартин Ивенс — землянин, достойный к|онт|акт|а с Иным, чтоб чрез это событие, как чрез д|ВЕРЬ, вступить в него. Падение вместе с лайнером в небытие с возвращением дланью Гостей стало Мартину должной **тренировкой в смерти**: уйти и вер|нуться вначале, чтоб после — Уйти насовсем.

7. Композитор кино сего — Эдуард АРТЕМ|ьев, фимильи чьей суть — АРТЕМ|ида: сестра Аполлона, богиня Луны, Цели бога сего **сребролукого**, к коей вожак душам он⁴ (в чем с Гер|месом един и Хар|оном, паромщиком в То); ОБОД'SIN'ский, его певший песнь — ОБОД СИН|а, аккадского лунного бога: Луна, Мать-С|в|ОБОД|а.

Вот так...

¹ Открытие пустотелости Луны было совершено экспедицией «Аполлона-12», когда при падении на поверхность планеты отработанной лунной кабины был зафиксирован звон целокупной Луны, подобный колокольному, длившийся свыше 55 минут.

² Подобно тому как звук гитары рождается в струнах и далее резонирует в ее пустотелом корпусе, так же мысль втайне рождается в сердце и входит в ум, где обретает телесную (бренную) явность. Коль так, то ум, мысль не творящ — пустота как излишнее. Посему для приведенья в согласие формы и содержания Египтяне посредством железного крючка вычищали физический коррелят ума, мозг, из черепной коробки и просто выбрасывали его, набивая взамен ему опилки.

³ «Оно [слово «сатиям», истина — *Авт.*] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда» (Каушитаки-упанишада, V, 5, 1).

⁴ Таков он как Аполлон Гиперборейский, связной бранных нас с землей Предков счастливою. В полном согласьи значению греческой приставки hyper — над, с|вер|х (лат. su|per), — имя Гипер|борея, обычно переводимое как «земля за Севером», Бо|реем» (греч.), есть не «земля на Земле», а Над|землье, Луна: ведь за к|Ра|ем Земли, коим есть Се|вер, полюс Се|го, — стоит То: Север Неба, Луна, Бога (Ра (египт.)) дом. С Землей, Долом, Высь эта едина ка|са|ньем: как Истина с Ложью, с тьмой огонь, с деревом корнь, мать с ребенком своим.

Много лет спустя о человеке, познавшем чрез смерть то любимое страстно, чего не постиг он умом, написал я короткую сказку. Прочтите ее.

Сила любви

сказка

Восславим Творца, многочтимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой, что и прежде. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал премудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам.

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее, как никто доньше! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудились!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение достойнейшему из граждан! — взывали мужи в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости, слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и чистая трель его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О, Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Восславим Творца, многочтимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Фильм «Молчание доктора Ивенса», смотреть онлайн:

<http://cinema.mosfilm.ru/films/film/1970-1979/molchanie-doktora-ivensa/>

Все о Мире и Луне. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:

http://www.academia.edu/2475366/Planet_of_Love_the_grounds_of_the_Unitary_Field_Theory_in_Russian

Ермаков Олег Владимирович

Биографическая справка

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий — брат Нины Ивановны, жены С.П. Королева, в КБ которого в подмосковных Подлипках бабушка проработала до пенсии. Покоряя Вселенную, в те скудные на житейские блага времена она, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок, где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, имею взрослого сына и двоих внуков.

В настоящее время живу в Киеве.

**Телефоны в Киеве: + 38 (066) 561-21-20,
+ 38 (044) 533-12-20, + 38 (050) 877-10-47**

E-mail: hermakouti@ukr.net

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

